

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азій
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ. — Отчеты Комитета за 1909 и 1910 гг. — Bericht von Herrn J. Németh. — Краткій Отчетъ о командировкѣ въ Индію проф. Э. И. Щербатскаго. — Отчетъ В. Вяткина о раскопкахъ обсерваторіи Мирзы Улугъ-бека въ 1908 и 1909 годахъ. — Отчетъ С. Малова о путешествіи къ уйгурамъ и саларамъ. — Отчетъ Б. Владимірцова о командировкѣ къ байтамъ Кобдоскаго округа. — Отчетъ А. В. Адрианова о поѣздкѣ лѣтомъ 1911 г. — Письма А. В. Анохина.

Série II. № 1.

St.-Petersbourg,
avril 1912.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux. — Comptes-rendus du Comité pour les années 1909 et 1910. — Rapport de M. Németh (en allemand). — Rapport succinct du professeur Šerbackoj sur sa mission dans l'Inde. — Rapport de M. Viatkin sur les fouilles de l'observatoire de Mirza Ulug-bek, en 1908 et 1909. — Rapport de M. Malov sur son voyage dans le pays des Ujgurs et des Salars. — Rapport de M. Vladimircov sur sa mission chez les Baits du district de Kobdo. — Rapport de M. Adrianov sur un voyage effectué dans le courant de l'été 1911. — Lettres de M. Anochin.

Краткій Отчетъ о командировкѣ въ Индію проф. Ѳ. И. Щербатскаго.

Цѣлью моего путешествія въ Индію, кромѣ общаго знакомства со страной, было прежде всего розысканіе остатковъ буддійской научной литературы, какъ въ сочиненіяхъ собственно буддійскихъ, такъ равно брахманскихъ и джайнскихъ, поскольку послѣднія такъ или иначе отражали эпоху буддійскаго расцвѣта въ исторіи буддійской цивилизаціи (V—X вѣка по Р. Х.). Одновременно съ этимъ я имѣлъ въ виду ознакомиться съ положеніемъ, въ которомъ находится изученіе санскритскаго языка и литературы въ самой Индіи, и особенно изученіе тѣхъ отраслей литературы, которыя до сего времени не поддавались интерпретаціи европейскихъ ученыхъ, представляли для нихъ болѣе или менѣе загадку.

Я приѣхалъ въ Индію черезъ Бомбей, въ январѣ 1910 г. Остановка въ этомъ городѣ не входила въ мои предположенія. Я хотѣлъ, собравъ нѣкоторыя справки, прямо проѣхать въ Бенаресъ, и оттуда уже сдѣлать рядъ экскурсій въ Кашмиръ, Непаль, Сиккимъ, а также въ Калькутту и на югъ, въ Траванкоръ и Коломбо. Но обстоятельства сложились такимъ образомъ, что я провелъ больше всего времени въ Бомбей и въ Бомбейскомъ президентствѣ, а отъ поѣздокъ на югъ, въ Кашмиръ и Непаль, долженъ былъ за недостаткомъ времени отказаться, отложивши ихъ до другого путешествія.

Въ Бомбейскомъ президентствѣ первый городъ, который я собирався посѣтить, былъ Джессалмиръ. По свѣдѣніямъ, добытымъ проф. Ш. Р. Бандаркаркомъ, у живущихъ тамъ джайновъ сохранились рукописи весьма важныхъ буддійскихъ философскихъ сочиненій Камалашилы и Шантиракшиты, а также джайнскаго автора Маялавади,

писавшаго толкованія на буддійскія сочиненія. Еще въ 1908 г. наша Академія Наукъ предпринимала шаги, чтобы получить эти рукописи въ пользованіе или заказать съ нихъ снимки, но безрезультатно.

По приѣздѣ въ Бомбей, мнѣ удалось устроить, что списки съ этихъ сочиненій были заказаны правительствомъ, и такимъ образомъ, я избѣгъ необходимости предпринять довольно трудное путешествіе въ Джессалмиръ черезъ пустыню, что отняло бы у меня по крайней мѣрѣ два мѣсяца времени.

Кромѣ Джессалмира, можно было предполагать, что у джайновъ Катіавара, въ Ахмедабадѣ и въ Патанѣ, должны были храниться рукописи буддійскихъ сочиненій. Джайны, вообще, въ своемъ творчествѣ были мало оригинальны, но зато съ большимъ стараніемъ собирали все то, что пользовалось извѣстностью. Они тщательно изучали и даже комментировали буддійскія научныя сочиненія эпохи расцвѣта. Въ каждой почти джайнской библіотекѣ находятся слѣды этого. Кромѣ того, джайны, благодаря своей особенной способности ладить съ властями предержавшими и своему несмѣтному богатству, сумѣли сохранить свои коллекціи въ цѣлости отъ мусульманскаго варварства. Что это все-таки было не легко, видно изъ того, какъ устроены ихъ библіотеки, т. наз. бандары. Бандаръ представляетъ собою темную комнату, которая имѣетъ стѣны, покрытыя мелкой рѣзной работой, за которой скрываются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потайныя двери шкафовъ. Шкафы, въ свою очередь, внутри совершенно темные, имѣютъ стѣны, украшенныя мелкой орнаментикой, и на первый взглядъ кажутся пустыми, но въ дѣйствительности стѣны представляютъ сплошь лицевую сторону потайныхъ ящиковъ, въ которыхъ рукописи и заключены. Въ эти свои бандары джайны пускаютъ постороннихъ посѣтителей крайне неохотно и только особенно рекомендованныхъ имъ лицъ. Старики все еще боятся, что каждый чужеземецъ, подобно ихъ бывшимъ правителямъ мусульманамъ, пожелаетъ предать огню всякую книгу не мусульманскаго вѣроученія. Въ послѣднее время джайны очень много печатаютъ, но сравнительно незначительная часть этихъ вещей поступаетъ въ продажу. Печатаніе производится богатыми людьми, какъ актъ благочестія, и книги раздаются даромъ только лицамъ, къ которымъ джайны чувствуютъ особое довѣріе. Въ Патанѣ предполагалось существованіе библіотеки Хемачадры, котораго

джайны считаютъ величайшимъ своимъ ученымъ. Однако Бюлеру, несмотря на 17 лѣтъ, проведенныхъ въ Бомбеѣ, не удалось ее видѣть. Д-ръ Р. Г. Бандаркаръ при свиданіи мнѣ сказалъ, что по его убѣжденію библіотека эта погибла и не существуетъ вовсе.

Благодаря счастливой случайности и просвѣщенному содѣйствію махараджи Бародскаго мнѣ удалось не только напасть на слѣдъ этой библіотеки, но и достать ея каталогъ. Среди интересовавшихъ меня вещей оказались рукописи тѣхъ же самыхъ сочиненій, которыя были открыты въ Джессалмиръ, и, кромѣ того, много другихъ. Такъ какъ къ этому времени уже прибылъ въ Бомбей фотографическій аппаратъ, высланный мнѣ Комитетомъ, то я намѣревался ихъ сфотографировать, но хранители библіотеки запротестовали противъ этой необычной операціи, и пришлось удовольствоваться заказомъ списковъ.

Кромѣ этого, я осмотрѣлъ великолѣпныя джайнскіе бандары въ Ахмедабадѣ, но, къ сожалѣнію, въ нихъ не оказалось ничего изъ той области, которой я больше всего интересовался, хотя джайнская литература представлена тамъ съ замѣчательной полнотой.

Когда явилась возможность пользоваться присланнымъ мнѣ фотографическимъ аппаратомъ, я поѣхалъ въ Пуну и въ библіотекѣ тамошняго Dacca College сфотографировалъ двѣ рукописи XIII в., *Nyāyavārtikatātparyatīkāpariçuddhi* извѣстнаго философа Удаяны.

Рукописи эти были настолько сухи, что ломались отъ прикосновенія и, вѣроятно, скоро разсыплются на мелкія кусочки, въ родѣ тѣхъ кусочковъ пальмовыхъ рукописей, какія теперь находятся въ пескахъ Центральной Азіи, если не будетъ принято противъ этого особыхъ мѣръ.

Главная же моя работа въ Бомбейскомъ президентствѣ состояла въ переводѣ на англійскій языкъ всѣхъ основныхъ сочиненій по философіи ньяя, при чемъ я пользовался безцѣнными для меня указаніями туземныхъ пандитовъ. Въ этой работѣ, совмѣстно съ туземными пандитами, я вижу главный результатъ своего путешествія. Опять долженъ сказать, что цѣлый рядъ благопріятныхъ случайностей далъ мнѣ возможность найти лицъ, которыя являются непосредственными хранителями древнихъ традицій санскритской учености. Такъ какъ эти лица принципиально чуждаются всякаго общенія не только съ европейцами, но и со всѣми индусами, которые входятъ въ сно-

шеніе съ европейцами, то я въ Индіи не могъ получить никакихъ рѣшительно указаній на то, гдѣ найти настоящихъ индійскихъ пандитовъ, и только, повторяю, счастливая случайность свела меня съ однимъ нищимъ отшельникомъ, съ которымъ мнѣ удалось близко сойтись, а черезъ него и со многими другими. Онъ происходилъ изъ Durbhanga и въ Бомбей попалъ случайно, вслѣдствіе голодовки на его родинѣ, которая заставила разбѣжаться половину населенія. Авторитетъ его среди мѣстныхъ индійскихъ кастъ былъ столь высокъ, что онъ могъ, не стѣсняясь правилами кастовой исключительности, свободно жить со мною.

Жили мы въ совершенно индійской обстановкѣ, въ мѣстности, въ которой не было ни одного европейца, гдѣ единственный разговорный языкъ былъ санскритъ, проводя время съ утра до вечера въ философскихъ диспутахъ, съ двумя перерывами въ мѣсяцъ, въ день новолунія и полнолунія.

Черезъ него и другихъ моихъ знакомыхъ пандитовъ я собралъ подробныя свѣдѣнія о положеніи санскритской учености въ Индіи. Во всѣхъ центрахъ современной Индіи, гдѣ устроены университеты англійскаго образца, изученіе санскрита ведется по европейскимъ методамъ и стоитъ очень низко. Ниже всего оно стоитъ въ Калькуттѣ, какъ городѣ наиболѣе подверженномъ европейскому вліянію.

Совершенно неприкосновенно стоитъ система изученія, какъ и ея результаты, въ Durbhanga, отчасти потому, вѣроятно, что здѣсь была родина большинства великихъ философовъ и ученыхъ, а отчасти и потому, что это мѣсто лежитъ въ сторонѣ отъ современныхъ центровъ и главныхъ путей управленія.

Въ Бенаресѣ мнѣ пришлось, главнымъ образомъ, заниматься сочиненіями системы миманса.

Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за временемъ буддійскаго расцвѣта, когда звѣзда буддизма уже померкла, и буддисты уже перестали быть серьезными противниками, философскіе споры велись между сторонниками системы ньяя и сторонниками системы миманса. Среди сочиненій послѣдней школы, я нашелъ, въ библіотекѣ Queen's College, большую рукопись, носившую заглавіе Kaṣīka, и представлявшую собою, какъ оказалось, комментарий на Mīmāṃsācāloka-vārtika. Мною она была эксерпирована въ мѣстахъ, имѣвшихъ от-

ношеніе къ буддійскимъ ученіямъ. Интересъ исторіи системы ньяя-вайшешика въ томъ и состоитъ, что она постоянно видоизмѣняется подъ вліяніемъ тѣхъ противниковъ, съ которыми приходится бороться.

Въ началѣ такими противниками были буддисты хинаянисты, затѣмъ буддисты махаянисты, затѣмъ миманса, затѣмъ Прабхѣакара. По принятой въ Индіи системѣ изложенія, сначала выступаетъ со своимъ мнѣніемъ оппонентъ (pūgvarakṣa), а затѣмъ авторъ его разбираетъ и дѣлаетъ заключеніе (siddhānta). Въ puṣyaabhāṣya оппонентомъ является, между прочимъ, буддистъ хинаянистъ, въ pūyaavāgītika и tātraṅgatīkā буддистъ хинаянистъ, въ сочиненіяхъ Удаяны чаще всего сторонникъ древней мимансы, а у Гангешы почти исключительно сторонникъ новой мимансы — Прабхакаристъ.

Переводъ всѣхъ этихъ сочиненій составляетъ теперь ближайшую мою задачу. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что переводъ этотъ долженъ непремѣнно быть сдѣланъ на языкѣ, доступномъ для оцѣнки туземныхъ индійскихъ ученыхъ, а такимъ языкомъ является только англійскій.

Въ Дарджилингѣ я пріѣхалъ въ началѣ октября, спасаясь отъ страшной жары въ Калькуттѣ. Я не имѣлъ особой надежды видѣть Далай-Ламу, такъ какъ зналъ, что онъ содержится почти на положеніи военно-плѣннаго, и всѣ къ нему достуны строго охраняются, сношенія съ нимъ по почтѣ или телеграфу совершенно невозможны. Но благодаря совершенно исключительной любезности какъ губернатора Бенгала, который въ это время былъ въ Дарджилингѣ, такъ и политическаго агента при махараджѣ Сиккимскомъ, M^r Ch. Bell'a, мнѣ удалось не только видѣть Далай-Ламу, но и сноситься съ нимъ совершенно свободно во все время моего пребыванія въ Дарджилингѣ, которое продолжалось съ лишнимъ мѣсяцъ.

Отъ Далай-Ламы и его приближенныхъ я пополнилъ свои свѣдѣнія о тибетскихъ монастыряхъ, въ которыхъ имѣются еще большія собранія санскритскихъ рукописей и ксилографовъ. Библіотеки монастырей Сиккима, Бутана и Дарджилинга, по свѣдѣніямъ, которыя удалось собрать, очень бѣдны и не имѣютъ даже полного изданія Кан-жура и Дан-жура. Библіотеки этихъ монастырей не могутъ быть сравниваемы съ бібліотеками монастырей Монголіи и Тибета. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что и въ Библіотекѣ Азіатскаго Обще-

ства въ Калькуттѣ до сихъ поръ даже нѣтъ полнаго экземпляра Данжура. Напротивъ, въ Тибетѣ, хотя богатѣйшее, почти полное по преданію, собраніе буддійскихъ санскритскихъ рукописей въ монастырѣ Самбе уничтожено пожаромъ, имѣются еще 2 монастыря около Лхасы и одинъ около озера Манасароваръ, гдѣ санскритскихъ рукописей очень много. Судя по словесному описанію, это вѣроятно ксилографы очень большого формата, въ родѣ того, которымъ напечатаны сочиненія Цзон-Хавы въ изданіи, имѣющемся у насъ въ Азіатскомъ Музеѣ. Далай-Лама пригласилъ меня посѣтить Тибетъ и сфотографировать ихъ.

Путешествіе изъ Дарджилинга въ Тибетъ въ настоящее время не представляетъ никакихъ ровно затрудненій. Имѣется прекрасная дорога, почтовые станціи, отличныя гостинницы, т. н. дак-бангало. Въ Гянцзе, въ нѣсколькихъ дняхъ отъ Лхасы, имѣется даже англійскій клубъ и всѣ надлежащія устройства для занятія спортомъ, гольфъ, теннисъ и т. п. Было поэтому весьма заманчиво воспользоваться случаемъ, чтобы совершить то путешествіе, которое, благодаря описанію Свенъ Гедина и другихъ путешественниковъ, считалось сопряженнымъ съ невѣроятными трудностями. Дѣло остановилось за разрѣшеніемъ Китайскаго правительства, безъ котораго, въ то время, ѣхать открыто не представлялось возможнымъ. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ этого разрѣшенія добиться не удалось, и такъ пришлось, находясь, такъ сказать, уже въ самомъ Тибетѣ, отказаться отъ осуществленія этой завѣтной для каждаго тибетаниста мечты.